

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47).027

Т. Ю. Фомина

ЕПИСКОПСКАЯ ВЛАСТЬ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Рассматриваются дискуссионные аспекты возникновения епископской власти на территории Руси. Анализируются важнейшие проблемы времени появления русских епископий и списки епископов изучаемого периода. В исследовании значительное внимание уделено вопросам подбора кадров на архиерейские должности.

Ключевые слова: *домонгольская Русь, христианство, православие, архиерей, епископ.*

В жизни современного российского общества русская православная церковь приобретает все большее значение. Научное сообщество уже давно осознало неотъемлемость истории русской церкви от истории российской государственности. В связи с этим изучение процессов формирования системы церковного управления, эволюция развития религиозных институтов является одним из актуальных направлений научных исследований.

В отечественной историографии изучение различных аспектов архиерейской власти в домонгольский период представлено широким кругом научных трудов. В дооктябрьский период наиболее значимые результаты в изучение данной темы были достигнуты выдающимися представителями церковной историографии Е. Е. Голубинским [1], митрополитом Макарием (Булгаковым) [2, 3]. В числе актуальных направлений исследования советской науки было формирование церковной структуры в Древней Руси, влияние церкви на общественно-политические процессы [4, 5]. Значительный вклад в изучение проблемы сделан А. В. Назаренко [6]. Вопросы происхождения архиерейской власти, ее статуса в домонгольской Руси подняты в работах М. С. Корзун [7], А. Ф. Литвиной, Ф. Б. Успенского [8], особую научную ценность представляют фундаментальные исследования П. И. Гайдено [9].

Несмотря на значительное число научных трудов, происхождение и пополнение древнерусской церковной иерархии рассматриваемого периода по-прежнему остаются в сфере пристального внимания исследователей. В рамках одной статьи рассмотрение такой многогранной проблемы не представляется возможным. Поэтому работа ограничена лишь ее постановкой и обозначением основных направлений изучения.

Сложность рассмотрения истории церкви домонгольского периода заключается в том, что Русь находилась в сфере интересов византийской, болгарской и латинской церковной иерархии. Поэтому вопрос о появлении епископской власти на терри-

тории киевского государства заслуживает особого внимания. Первым достоверным известием о появлении епископов в пределах Киевской Руси можно считать сведения о епископе Адальберте [10, с. 303–304]. Этот латинский иерарх выполнял посольскую миссию от имени германского императора Оттона I, поставившего под свой контроль папский престол [11, с. 67–68; 12, с. 87]. Несмотря на это, Оттон, а следовательно, и его посол епископ Адальберт не обладали правом открытия новых епархий. Как верно отметил П. И. Гайдено: «Деятельность этого латинского епископа оказалась неудачной и не оставила после себя каких-либо заметных следов канонической жизни на самой Руси» [13, с. 107]. Б. Я. Рамм оценил результаты деятельности Адальберта как «провал» [14, с. 36]. Однако немецкие латиноязычные источники свидетельствуют о существовании в этот период русской епископии, находящейся под крылом Магдебургского архиепископа [15, с. 101–205; 16, с. 349–357; 17, с. 311–338]. Кроме того, можно предполагать, что на протяжении всего X – первой половины XI в. между западноевропейскими церковными центрами и Киевом поддерживались самые тесные отношения [18, с. 134–136]. Несколько иначе обстоит дело с латинской миссией Бруно-Бонифация Кверфутского времен Ярополка Святославича (1008 г.), целью которой было «крещение короля Руси и его народа» [19, с. 311–312], но на территории древнерусского государства епископия, входящая в сферу влияния папы Римского, вероятно, так и не была создана.

В целом до 1037 г. статус русской церкви трудно поддается определению, позднее, во второй половине XI в., на Руси помимо киевской одновременно существовало еще две митрополии (в Чернигове и Переяславле). Русская церковная организация в этот период характеризуется сложностью административного устройства. В числе дискуссионных остается вопрос о времени зарождения и количестве существовавших русских епископий. Ле-

тописная традиция относит время их появления к 992 г. Когда были поставлены в Чернигов епископ Неофит, в Ростов – Феодор, во Владимир – Стефан, в Белгород – Никита «и по иным многим градом епископы постави» [20, с. 30]. Подобная картина единовременного поставления архиереев повторится при митрополитах русинах Илларионе (1051 г.) и Клименте (1147 г.). Однако систематического рассмотрения деятельности русских епископов в летописных источниках не прослеживается, исключение составляет лишь новгородское летописание. Полнота известий зависит от степени подробности и достоверности сведений, сохранившихся в местных летописях.

Значительный интерес представляет перечень русских епархий в составе списка митрополий Константинопольского патриархата, изготовленного в патриаршей канцелярии в последние годы правления императора Мануила I Комнина (1143–1180) [6, с. 185]: «[Митрополии] Великой Росии [подчиняются епископии]: 1. Белгородская, 2. Новгородская, 3. Черниговская, 4. Полоцкая, 5. Владимирская, 6. Переяславская, 7. Суздальская, 8. Туровская, 9. Каневская, 10. Смоленская, 11. Галицкая» [6, с. 186]. Согласно византийской традиции последовательность перечисления епископий должна совпадать с хронологической последовательностью их появления, но в отношении достоверности сведений этого перечня у исследователей нет единого мнения [6, с. 172–206].

Церковная историография достаточно уверенно разрешает данный вопрос. Так, в трудах Амвросия Орнатского [21] и митрополита Мануила (Лемешевского) [22–24] первой по времени создания называется Владимирская епархия на Воляни (988 г.). Возникновение Новгородской [21, с. 67; 22, с. 535], Черниговской [23, с. 358], Белгородской [21, с. 222; 23, с. 370] и Ростовской [21, с. 114; 24, с. 92] епископий относят к 992 г. Первый Туровский епископ Фома упоминается под 1005 г. [24, с. 457], в 1054 г. – Переяславский святитель Николай, в 1068 г. – Николай святитель Тмутараканский. При перенесении мощей Бориса и Глеба в 1072 г. впервые упоминаются епископы Михаил Порожский [21, с. 224], Иоанн Хелмский [21, с. 227], Михаил Юрьевский [21, с. 223]. Рязанская епископия, по мнению церковных исследователей, была учреждена в 1198 г. В начале XII в. были основаны Полоцкая (1105 г.) [21, с. 228; 23, с. 308–309], Владимирская (1213–1214 гг.) [24, с. 314], Перемышльская (1219–1220 гг.), затем Смоленская (1128 г.) [21, с. 160; 22, с. 486] епископии. К первой половине XII в. относится основание Галицкой кафедр [22, с. 337].

Подобные расхождения в сведениях источников и историографии связаны с тем, что на Руси так и

не появилась традиция ведения епископских листов [25, с. 128], характерных для Рима и Византии. Необходимая в этих случаях попытка доказать причастность апостольской власти к созданию кафедр не получила распространения в древнерусской традиции. Исключение составляет лишь Киевское княжество, где родилась легенда о путешествии апостола Андрея и его пророческих словах в отношении древней столицы. Отсутствие на Руси епископских листов объясняется целым комплексом причин. Во-первых, не совпадает время существования Киевской Руси и жизнедеятельности апостолов, во-вторых, длительное время отсутствует письменная традиция, в-третьих, относительно поздний период принятия христианства. И, как следствие, неустойчивость церковной организации, характеризующейся частой сменой митрополитов, существованием нескольких митрополий сразу, длительные периоды отсутствия на кафедрах архиереев, вмешательство в дела церкви светских иерархов, рецидивы проявления автокефальности в отношении к Константинопольскому патриарху.

Проблемы отечественной историографии по данному вопросу также связаны с параллельным существованием церковной и светской научных традиций. Церковными исследователями, как правило, ставится цель систематического воссоздания целостной церковной истории, поэтому результаты исследования нередко противоречат данным исторических источников, в то время как историография советского периода отличается тенденциозным подходом, связанным с предвзятым отношением к церковной организации в целом. Современная историография свободна от идеологических штампов, но порой оказывается под влиянием церковных исследований.

К сожалению, источники домонгольского периода также не обладают исчерпывающей информацией о деятельности русских архиереев. На сегодняшний день не представляется возможным реконструировать список русских епископов этого периода. Данные, представленные в работах П. Строева [26], а также упоминаемых выше Амвросия Орнатского [21] и митрополита Мануила (Лемешевского) [22–24], далеки от полноты. Наиболее полно список домонгольских архиереев представлен для Великого Новгорода. Это объясняется и степенью сохранности источниковой базы и политическим статусом данного княжества в Киевском государстве. В остальных епархиях списки архиереев имеют значительные лакуны. Из порядка 140 епископов домонгольского периода, имена которых дошли до наших дней, более половины лишь упоминаются в источниках.

В подавляющем большинстве случаев не сохранились сведения о социальном происхождении,

времени поставления, деятельности архиереев и т. п. Значительная часть епископов лишь упоминается в качестве участников общецерковных событий – перенесения мощей Бориса и Глеба (1072 г. и 1115 г.), поставления митрополитов Иллариона (1051 г.) и Климента (1147 г.), известий, связанных с Печерской обителью, – освящением храма Пресвятой Богородицы (1089 г.), перенесением мощей преподобного Феодосия (1091 г.). Один из юрьевских епископов, упоминаемый под 1183 г., и вовсе остался безымянным [24, с. 472]. Сведений о русских епископах немного, наберется не более полутора десятков архиереев, деятельность которых освещена относительно подробно. Наиболее полно сохранились известия о новгородских епископах Луке Жидяте, Никите, Нифонте, Иоанне, Мартирии [27, с. 64–65], из владимири-волинских иерархов – Стефане II, из переяславских – о Ефреме, о ростовских святителях – Леонтии, Исаяе, Феодоре II (Феодорце), о черниговских архиереях – Феокисте и Онуфрии, о Кирилле и Лаврентии Туровских. Обобщая сведения об архиереях русских княжеств, к сожалению, не представляется возможным определить критерии периодизации и закономерности развития структуры духовного управления на всю территорию домонгольской Руси, так как в различных княжествах оно имело свою специфику и индивидуальные хронологические рамки.

Говоря о подборе кадров на епископские должности, необходимо отметить, что на начальном этапе становления русских епископий во Владимире Волинском, Великом Новгороде, Чернигове, Белгороде и Ростове архиерейские должности занимают прежде всего лица греческого происхождения, хотя есть сведения о кандидатах армянах, сирийцах [22–24]. Вероятно, в большинстве случаев определение «грек» не имеет точного значения и не указывает на национальность святителя, а скорее «обозначает» византийского ставленника в условиях, когда сведения о жизни архиереев весьма обрывочны и порой недостоверны. С утверждением на митрополичьем престоле в середине XI в. русина Иллариона, а позднее Ефрема на епископские должности возводятся кандидаты из русского духовенства. Важно отметить, что кандидаты на епископские должности в изучаемый период верстались главным образом из монашеской среды, причем значительная часть из них была воспитанниками Киево-Печерской обители. Из печерских игуменов в епископский сан были возведены Владимир-Волинские святители Стефан II и Симеон, печерским затворником был Лаврентий Туровский, монахами печерского монастыря – Феокист Черниговский, Исаяе, Ефрем I и Пахомий Ростовские, Николай I Переяславский, Марин (Карион) Юрьевский, Стефан, Феодор, Иоанн Попьян, Нифонт

Новгородские, Мина Полоцкий. Однако в первой трети XII в. Переяславскую кафедру, например, уже занимают в прошлом игумены Михайловского Выдубицкого монастыря в Киеве Лазарь и Сильвестр [23, с. 236, 589–590].

Другую категорию первоиерархов составляют подвижники, прославившиеся духовными подвигами, ставшие основателями монашеских обителей, например воспитанник Борисоглебского монастыря Кирилл Туровский, из игуменов Киевского Спасского монастыря на Берестове вышли Лука Ростовский и Герман Новгородский, Макарий Переяславский был прежде игуменом монастыря св. Иоанна, Пахомий Ростовский из настоятелей Высокопетровского монастыря в Москве, Аркадий Новгородский – основатель Успенского монастыря в Новгороде, Мартирий Новгородский – Старорусского Преображенского монастыря, Мина Полоцкий вышел из стен Киевского Зверинецкого мужского монастыря во имя архистратига Михаила. Таким образом, монашество на Руси в соответствии с христианской традицией рассматривалось в качестве необходимой ступени к посвящению в духовный сан. Сохранились сведения о верстании кадров из приходского духовенства. Так, до игуменства в Выдубицком монастыре Лазарь Переяславский был настоятелем Борисоглебского храма в Вышгороде. Новгородские владыки Иоанн Попьян, Иоанн (Илья) и Григорий также вышли из приходского духовенства. Но и в этом случае вхождение в архиерейскую должность произошло после принятия монашеского чина.

На протяжении первых полутора столетий подбор кандидатур на архиерейские должности производили киевские митрополиты, часто при активном участии политической власти, наиболее яркие примеры – княжения Ярослава Владимировича, Изяслава Мстиславича. Однако со второй половины XII в. появляются известия об избрании епископов из среды местного духовенства. Таким образом заняли архиерейские должности Кирилл Туровский, новгородские владыки Иоанн (Илья), Гавриил, Аркадий. Вероятно, эти процессы связаны с ослаблением влияния киевской митрополии, отражают стремление удельных княжеств к политическому обособлению от Киева, укрепление позиций местной княжеской или боярской верхушки, возрастание политической роли и социального статуса местного духовенства. В источниках деятельность этих архиереев представлена во всей полноте, как правило, это основание и освящение монастырских обителей и храмов, создание нравственных назиданий князьям, пастве либо духовенству, отстаивание политических интересов своих княжеств. Это было бы невозможно без поддержки, в том числе и финансовой, со стороны княжеской власти и (или) местной боярской знати.

Анализируя социальное происхождение епископов домонгольского периода, следует отметить, что значительная их часть была знатного происхождения (Лука Жидята, Кирилл Туровский, Иоанн (Илья) и Гавриил Новгородские, Стефан II Владимиро-Волынский и др.), как правило, это представители боярской среды. Значительный интерес представляет фигура Ефрема Переяславского, который, согласно житию, до принятия монашества в Печерском монастыре был казначеем и управлял хозяйством при дворе князя Изяслава Ярославича [22, с. 445]. Следовательно, можно говорить о том, что на протяжении домонгольского периода происходит процесс консолидации правящего сословия, объединяющего политическую,

экономическую и духовную элиту русского общества.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что время, обстоятельства создания и количество русских епископий домонгольского периода остаются в качестве дискуссионных вопросов в связи с легендарным характером известий, неупорядоченностью церковной жизни того времени, ограниченностью сведений отечественных исторических источников. Безусловно, данная проблема требует дальнейшего обстоятельного изучения на основе достижений российской церковной и светской историографии. Возможно, новым этапом исследования проблемы станет привлечение к работе материалов зарубежных исторических источников и историографии.

Список литературы

1. Голубинский Е. Е. История Русской церкви: Том 1. Период первый, Киевский, или домонгольский. Ч. 1. М., 1901. 968 с.
2. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: история христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской Церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Кн. 1. 408 с.
3. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриархата (988–1240). М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. Кн. 2. 704 с.
4. Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 2004. 672 с.
5. Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. 334 с.
6. Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. 528 с.
7. Корзун М. С. Русская Православная Церковь: деятельность и мировоззрение (X в. – 1988 г.): дис. ... д-ра истор. наук. Минск, 1993. 50 с.
8. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Траектория традиций: главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века. М., 2010. 208 с.
9. Гайдено П. И. Место Киевского митрополита в системе политических отношений Древней Руси (988–1037): дис. ... канд. истор. наук. Казань, 2005. 239 с.
10. Бибииков М. Б., Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. и др. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой. М., 2003. 608 с.
11. Назаренко А. В. Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 г. М., 1994. С. 67–68.
12. Вонсович Л. В. Христианская церковь в системе управления средневековой Германии (X–XI вв.) // Проблемы истории христианства: сборник научных статей. Минск, 2001. С. 85–88.
13. Гайдено П. И. Становление высшего церковного управления в Киевской Руси: дис. ... д-ра истор. наук. Екатеринбург, 2012. 438 с.
14. Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XV веках. М.; Л., 1959. 284 с.
15. Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: тексты, переводы, комментарий. М., 1993. 240 с.
16. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. М.; Л., 1990. 398 с.
17. Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. 784 с.
18. Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2. Кн. 1. 1056 с.
19. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. А. Мельниковой. М.: Логос, 2000. С. 311–312.
20. Никоновская летопись // Гайдено П. И., Фомина Т. Ю. История русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси. М., 2009. 225 с.
21. Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. Ч. 1. М., 1807. 677 с.
22. Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи 992–1892. М.: Издание Сретенского монастыря, 2002. Т. 1. 543 с.
23. Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи 992–1892. М.: Издание Сретенского монастыря, 2002. Т. 2. 606 с.
24. Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи 992–1892. М.: Издание Сретенского монастыря, 2002. Т. 3. 486 с.
25. Гидулянов П. Митрополиты в первые три века христианства // Ученые записки имп. Московского университета юридического факультета. М., 1905. Вып. 25. 377 с.
26. Строев П. Список иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. 1055 с.
27. Фомина Т. Ю. «Летописец Новгородский вкратце, церквам Божиим» как источник церковной истории Великого Новгорода X–XII веков // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 11. С. 61–68.

Фомина Т. Ю., кандидат исторических наук, доцент кафедры.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов.

Ул. Низаметдинова, 28, Набережные Челны, Россия, 423812.

E-mail: stal73@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 09.11.2012.

T. Y. Fomina

AUTHORITY OF BISHOPS IN PRE-MONGOLIA RUSSIA: THE PROBLEM

The article deals with the discussion of the origin of power of the bishop power in Russia. It analyses the debate on the recent Russian bishoprics and the list of bishops of the period. The study examines the issue of recruitment for the posts of bishops.

Key words: *Russia of the 10th – early 13th centuries, christianity, orthodoxy, archbishop, bishop.*

Naberezhnye Chelny Institute of Social and Educational Technology and Resources.

Ul. Nizametdinova, 28, Naberezhnye Chelny, Russia, 423812.

E-mail: stal73@yandex.ru